

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 7 / 2025, Iss. 7 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
(педагогические науки)
УДК 374(091)

Религиозное воспитание детей в Российской империи: основа духовно-нравственного становления личности

¹ Скопа В.А.,

¹ Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: духовно-нравственное становление подрастающего поколения в дореволюционной России представляло собой многогранный и глубоко укоренённый социокультурный процесс. Духовная парадигма буквально пропитывала общественное пространство, определяя контуры мировоззрения и модели поведения различных социальных страт. Православная картина мира выступала не просто идеологической конструкцией, но и глубинным культурным кодом, который передавался через семейные практики и литургические ритуалы. Домашний очаг и сакральное пространство храма становились подлинными колыбелями формирования личностной матрицы, где через тонкие механизмы межпоколенческого взаимодействия происходило наследование фундаментальных этических норм и духовных установок. Религиозное воспитание представляло собой не формальную процедуру, а экзистенциальный процесс вбирания традиционных ценностей, которые структурировали индивидуальное и коллективное бытие. В дореволюционной России религиозное воспитание играло ключевую роль в формировании личности ребенка, определяя его мировоззрение, нравственные ценности и модели поведения. Православие выступало не просто вероисповеданием, а целостной системой духовного и социального развития подрастающего поколения. Основными принципами религиозного воспитания выступали: почитание традиционных ценностей; формирование христианской морали; воспитание послушания и смирения; развитие духовной культуры; патриотическое воспитание через служение Богу и Отечеству.

Ключевые слова: религиозное воспитание, нравственность, личность, педагогика, ценностные ориентиры

Для цитирования: Скопа В.А. Религиозное воспитание детей в Российской империи: основа духовно-нравственного становления личности // Modern Humanities Success. 2025. № 7. С. 157 – 162.

Поступила в редакцию: 5 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая 2025 г.; Принята к публикации: 3 июля 2025 г.

Religious education of children in the Russian empire: the basis of spiritual and moral development of the personality

¹ Skopa V.A.,

¹ Altai State Pedagogical University

Abstract: spiritual and moral development of the younger generation in pre-revolutionary Russia was a multifaceted and deeply rooted socio-cultural process. The spiritual paradigm literally permeated the public space, defining the contours of the worldview and behavior patterns of various social strata. The Orthodox picture of the world was not just an ideological construct, but also a deep cultural code that was transmitted through family practices and liturgical rituals. The home and the sacred space of the temple became true cradles of the formation of the personal matrix, where fundamental ethical norms and spiritual attitudes were inherited through subtle mechanisms of intergenerational interaction. Religious education was not a formal procedure, but an existential process of absorbing traditional values that structured individual and collective existence. In pre-revolutionary Russia, religious education played a key role in shaping a child's personality, determining his or her worldview, moral values, and behavior patterns. Orthodoxy was not just a religion, but an integral system of spiritual and social development of the younger generation. The main principles of religious education were: veneration of traditional values;

formation of Christian morality; education of obedience and humility; development of spiritual culture; patriotic education through service to God and the Fatherland.

Keywords: religious education, morality, personality, pedagogy, value guidelines

For citation: Skopa V.A. Religious education of children in the Russian empire: the basis of spiritual and moral development of the personality. Modern Humanities Success. 2025. 7. P. 157 – 162.

The article was submitted: March 5, 2025; Approved after reviewing: May 8, 2025; Accepted for publication: July 3, 2025.

Введение

В эпоху усложняющихся социальных вызовов и морально-ценностных трансформаций критически важным становится формирование мировоззрения молодежи через призму многовекового духовного наследия православной традиции. Трансляция истонных культурных кодов, нравственных ориентиров и глубинных смысловых конструкций российской цивилизации приобретает первостепенное значение для сохранения преемственности поколений и национальной идентичности [10]. Русская Православная Церковь выступает хранителем уникального социокультурного опыта, аккумулированного на протяжении более чем тысячелетней истории служения российскому обществу, аккумулируя в себе духовные и ментальные архетипы национального самосознания.

Радикальные сдвиги происходят в концептуальном осмыслении педагогических стратегий, где традиционные подходы уступают место новым парадигмам развития личности. Ключевые изменения касаются переосмысления фундаментальных принципов образовательной политики: от жестко регламентированных моделей к гибким, адаптивным системам. Существенную роль в этом процессе играет возрастающее влияние духовно-нравственных институтов, прежде всего Русской Православной Церкви, которая активно включается в формирование ценностных ориентиров подрастающего поколения [14].

Нормативно-правовые документы модернизации образовательной сферы отражают принципиально новый подход к воспитательным стратегиям, где акцент смещается с информационно-репродуктивных методик на личностно-ориентированные практики развития.

В настоящий период социальных трансформаций ключевая миссия по формированию духовно-нравственного потенциала молодого поколения возлагается на институты православной культуры. Русская Православная Церковь, активные представители православного сообщества и профессиональные педагоги становятся стратегическими субъектами воспитательного процесса, направлен-

ного на сохранение цивилизационных ценностей и культурного кода.

Православная педагогика выступает уникальным методологическим инструментарием, позволяющим транслировать молодежи фундаментальные духовные принципы, накопленные многовековой христианской традицией. Речь идет о целостной системе воспитания, интегрирующей нравственные установки, мировоззренческие ориентиры и социокультурные паттерны православной цивилизационной модели.

Приоритетным становится не только образовательный, но и воспитательный компонент, направленный на формирование глубинных ценностных оснований личности через призму православной антропологии и духовной культуры. Ключевой задачей становится воссоздание целостной системы воспитания, основанной на традиционных нравственных законах и гуманистических принципах православной культуры.

Материалы и методы исследований

Религиозное воспитание в Российской империи было фундаментальным механизмом духовного становления личности, который интегрировал индивидуальное развитие с общественными традициями и православными ценностями. Методологической основой данной статьи являлись труды К.Д. Ушинского, протоиерея Иоанна Кронштадтского, исследования дореволюционных педагогов в области религиозного воспитания [3, 4, 8, 12]. Инструментарий исследования включает: компаративный анализ выявленных работ, углубленное изучение методологических исследований, а также прогностическое моделирование. Содержательная парадигма воспитательного процесса раскрывается через призму ценностных ориентиров, которые выступают фундаментальным механизмом становления личности. Данный подход позволяет реконструировать не только формальные, но и латентные механизмы культурной преемственности в религиозном воспитании детей.

Результаты и обсуждения

Духовное измерение человеческого существования в православной традиции – это сакральное пространство предельной самореализации лично-

сти, где индивидуальное бытие трансформируется через непрерывный внутренний диалог с абсолютной божественной реальностью. Православная антропология рассматривает человека как существо, изначально устремленное к метафизическому горизонту трансцендентности, где личностное самоопределение происходит через постоянное углубленное духовное развитие. Стремление к Богу становится не просто умозрительной концепцией, а живым экзистенциальным опытом внутреннего восхождения, процессом перманентного очищения и преображения собственной природы [6]. Этот путь предполагает не столько рациональное постижение божественных смыслов, сколько их сердечное переживание, где молитва, аскеза и литургическая практика выступают основными инструментами духовной трансформации человека.

Начало двадцать первого столетия ознаменовано беспрецедентным научным интересом к институту семьи и месту ребенка в социальной структуре. Исследователи рассматривают семью как уникальный социокультурный институт, где пересекаются интимные и общественные пространства человеческого бытия. Семья позиционируется как динамичная система координации и регуляции репродуктивных и социальных практик. Параллельно развивается исследовательское направление, фокусирующееся на микроисториях дворянского детства. Ученые анализируют латентные механизмы внутрисемейного насилия, феноменологию детской девиантности, институциональные модели социальной поддержки несовершеннолетних, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах. Такой комплексный подход позволяет деконструировать традиционные представления о семейных отношениях и детско-родительских взаимодействиях.

В дореволюционной России религиозное воспитание играло ключевую роль в формировании личности ребенка, определяя его мировоззрение, нравственные ценности и модели поведения. Православие выступало не просто вероисповеданием, а целостной системой духовного и социального развития подрастающего поколения.

В имперский период отечественной истории религиозное воспитание представляло собой фундаментальную систему трансляции сакральных ценностей, где православие выступало не только институциональной практикой, но и целостной матрицей социокультурной идентичности. Исходя из этого можно выделить ключевые элементы воспитания рассматриваемой эпохи:

1. Онтологические основания, которые были представлены христоцентричностью воспитательной модели, приоритетом духовно-нравственных

добродетелей и интеграцией религиозности в повседневные социальные практики.

2. Институциональные механизмы, которые раскрывались посредством семейного воспитания как первичного канала трансляции вероучительных принципов, церковно-приходских школ как базовой образовательной среды и литургических практик как пространства экзистенциального научения.

3. Антропологическая парадигма, которая отчетливо показывает формирование целостной личности через причастность к сакральной традиции, развитие внутренней культуры добродетели и преодоление индивидуалистических установок.

Именно все это обеспечивало системную духовную преемственность поколений.

Изучение системы воспитания, особенно религиозного компонента, открывает уникальную возможность декодировать глубинные трансформации дворянской культуры. Этот пласт семейной реальности служит своеобразным индикатором социальных изменений, отражающим внутренние противоречия и эволюционные процессы аристократического уклада.

Духовное становление подрастающего поколения в дореволюционной России представляло собой многогранный и глубоко укорененный социокультурный процесс [11]. В рассматриваемый период религиозное воспитание выступало фундаментальным элементом формирования личности, пронизывая все сферы жизни различных сословных групп. Духовно-нравственный уклад российской жизни глубоко коренился в православной традиции. Семья и храм формировали сакральное пространство воспитания, где через поколения транслировались сокровенные моральные принципы. С колыбели подрастающее поколение впитывало фундаментальные христианские идеалы: кротость души, почтительность к старшим, сострадание к ближнему и глубокую религиозную преданность [7].

В данном контексте можно структурированно выделить основные принципы религиозного воспитания:

- почитание традиционных ценностей;
- формирование христианской морали;
- воспитание послушания и смирения;
- развитие духовной культуры;
- патриотическое воспитание через служение

Богу и Отечеству.

Для дворянства характерным было домашнее религиозное образование с участием священников и домашних наставников. Крестьянские семьи передавали религиозные традиции через устную народную культуру, церковные праздники и обря-

ды. Духовные учебные заведения обеспечивали систематическое религиозное просвещение для различных социальных страт. Содержание религиозного воспитания включало изучение Священного Писания, богослужебных практик, церковнославянского языка и основ православного вероучения [9]. Особое внимание уделялось формированию нравственного характера и духовно-эмоциональной сферы ребенка.

Обрядовая компонента включала комплекс социализирующих практик: приобщение к храмовой культуре, усвоение молитвенного канона, интериоризацию церковного календаря, ритуальное соблюдение постов и праздников. В дошкольный период ключевую роль играла религиозность ближайшего семейного окружения – родителей, гувернеров, домашней прислуги. Государственная политика также способствовала укреплению религиозного воспитания через образовательные программы и административные механизмы, рассматривая православие как важнейший инструмент социальной интеграции и культурной идентичности [5]. Спектр религиозного воспитания был чрезвычайно широк – от формального, конъюнктурного следования традициям до глубокого экзистенциального переживания веры. Одни наставники трактовали религиозные практики как социальный ритуал, другие – как фундаментальную духовную матрицу личности. Религиозное воспитание являлось тонким инструментом культурной трансформации, механизмом формирования индивидуальной картины мира дворянского ребенка.

В XIX столетии процесс приобщения детей к религиозной практике отличался значительным разнообразием. Родительское сопровождение в храм могло осуществляться непосредственно самими родителями либо через доверенных воспитателей – гувернанток, гувернеров или нянь. Невзирая на различный уровень личной набожности, подавляющее большинство семей считало важным знакомство ребенка с церковными традициями [9]. Духовное воспитание начиналось практически с младенчества, а к трехлетнему возрасту родители стремились придать таким визитам более осознанный характер. Автобиографические свидетельства той эпохи отчетливо иллюстрируют подобную практику. Например, А. Луговой делился трогательными воспоминаниями о ночном походе в храм в раннем детстве. «Несмотря на протест и сонливость, ребенок постепенно успокаивался, движимый любопытством и мягким внушением взрослых о предстоящей встрече с Боженькой» [1, с. 85]. Такой подход демонстрировал не только религиозные, но и воспитательные традиции дворянской семьи того времени.

В дворянской среде церковный календарь представлял собой сложную социокультурную матрицу, которая задавала ритм семейной жизни и интерпретировалась весьма своеобразно. Религиозные традиции преломлялись через призму светских норм и индивидуальных предпочтений конкретного дворянского рода. Религиозный регламент воспринимался не как жесткая система предписаний, а как гибкий инструмент социальной коммуникации. Знаковые православные праздники и посты становились своеобразным культурным кодом, нежели строгим каноническим предписанием [14]. Аристократия демонстрировала изысканную избирательность в дотировании церковных норм, сочетая элементы духовной традиции с личной свободой. Семейный уклад дворянства балансировал между показной набожностью и внутренней свободой вероисповедания, где церковный календарь выступал не столько жестким регулятором, сколько тонким культурным инструментом самоидентификации [6].

Праздники отмечались практически повсеместно, в то время как посты нередко имели формальный оттенок. Дети старше трехлетнего возраста, как правило, разделяли кулинарные предпочтения взрослых членов семьи. Соответственно, трапеза во время постов становилась для них коллективным ритуалом – строгим или более лояльным, в зависимости от семейных традиций. Некоторые родители прибегали к сложному кулинарному маневрированию, параллельно готовя постные и скоромные блюда. Такой подход требовал значительных финансовых и временных инвестиций, так как предполагал дополнительную нагрузку на домашний персонал. Яркий пример семьи Гудковых «в их меню присутствовала изысканная дифференциация блюд, учитывающая возраст и предпочтения каждого домочадца, но при этом сохраняющая общесемейную трапезную традицию» [1, с. 112].

В высокорелигиозных дворянских семьях Великий Пост становился особым духовным периодом, который предполагал не только литургические ограничения, но и глубокое внутреннее преобразование. Говение – традиционная практика покаяния и духовного очищения – охватывала весь сорокадневный период, трансформируя повседневное существование семьи. Такие семьи воспринимали Великий Пост не просто как формальную последовательность церковных предписаний, а как время интенсивной молитвенной практики, внутреннего самоанализа и нравственного возрождения [13]. Дети в таких семьях с раннего возраста впитывали особую атмосферу духовной концентрации и аскетизма. Говение предполагало не только ограничения в пище, но и более глубо-

кие личностные изменения – усиленную молитву, покаянные практики, размышления о своей душевной жизни, которые становились важнейшими элементами семейной культуры [6].

В контексте рассмотрения религиозного воспитания важно отметить и рождественские встречи. Рождество в семьях XIX века представляло собой поистине магический семейный праздник, который буквально преображал детское восприятие мира. Рождественские торжества – это был сакральный момент в духовной культуре, несущий в себе глубокий философский посыл о божественном перерождении человечества [2]. Этот торжественный день становится точкой соприкосновения земного и небесного, где каждый верующий получал шанс переосмыслить свои нравственные ориентиры. Праздник трансформировал внутренний мир каждой личности. Рождество Христово было не просто календарная дата, но целый метафизический код трансформации человеческой души, приглашение к духовному взрослению и переосмыслению базовых экзистенциальных ценностей [9].

Этот торжественный день был насыщен яркими эмоциями, сказочной атмосферой и особой детской радостью. Центральным элементом праздничной церемонии становилась рождественская елка – настоящее чудо для юных членов семьи. Дети воспринимали ее как собственное, личное пространство волшебства, где каждая веточка, каждое украшение было наполнено интригующим предвкушением подарков и сюрпризов. Детские

дневники и воспоминания той эпохи буквально пестрят восторженными описаниями этого события [2]. Елка воспринималась не просто как декоративное украшение, а как символ особого, только детям адресованного праздничного мира, где исполняются самые сокровенные мечты и желания. Характерно, что сами дети чувствовали: это их персональный праздник, организованный с особой заботой и вниманием взрослых, которые создавали для них настоящую сказку.

Рождество действительно играло важную роль в духовном воспитании ребенка. Это был период, когда религиозные традиции были глубоко укоренены в повседневной жизни и формировали нравственный стержень личности.

Выводы

Таким образом, религиозное воспитание в Российской империи было фундаментальным социокультурным процессом, который охватывал все сословия и формировал духовный мир ребенка через православные традиции, семейные практики и церковные ритуалы. Обладая колоссальным сакральным авторитетом и глубинной укорененностью в национальном менталитете, церковь брала на себя судьбоносную миссию по сохранению и трансляции фундаментальных духовных кодов подрастающему поколению. Православное воспитание представляло собой не формальную практику, а экзистенциальный акт восстановления целостности человеческой природы через приобщение к высшим духовным измерениям.

Список источников

1. Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900-1932). М., 2009. 158 с.
2. Грузинский А. Елка (история разбитого сердца) // Семья. 1893. № 7. С. 6 – 7.
3. Иеромонах Фаддей (Успенский). Записки по дидактике. Уфа, 1902. 152 с.
4. Иоанн Кронштадтский, св. Моя жизнь во Христе. М., 1991. 79 с.
5. Колпачев В.В., Жураховская Т.Г. Развитие гуманистических основ воспитания в трудах Отцов Русской Православной церкви // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2. С. 184 – 194.
6. Кузнецов В.Д. Деятельность русской православной церкви по религиозному воспитанию учащихся классических гимназий и военно-учебных заведений накануне первой русской революции // Клио. 2011. № 5. С. 65 – 71.
7. Лозинский Е. Новые проблемы воспитания. Т. 1. Религия. Нравственность. Сексуальное воспитание. СПб., 1912. 291 с.
8. Манасейна М.М. Основы воспитания с первых лет жизни и до полного окончания университетского образования: в 5 т. СПб., 1894-1902. Т. 1. 159 с.
9. Мартианова И.Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2010. 21 с.
10. Религиозное образование в России и Европе в XIX в. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2014. 280 с.
11. Солодянкина О.Ю. Иностранная гувернантка в системе семейных отношений: воспитанники, другие члены семьи, родственники, соседи, учителя, слуги // Гендер и общество в России. СПб., 2007. С. 123 – 161.
12. Ушинский К.Д. Русская школа. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 688 с.

13. Фребель Ф. Воспитание человека: пер. И.Д. Городецкого. М., 1904. Т. 1. 114 с.
14. Чмелева Е.В. Педагогика дошкольного детства в России конца XIX – начала XX вв.: историко-педагогический очерк. Смоленск, 2008. 220 с.

References

1. Golitsyna I.D. Memories of Russia (1900-1932). Moscow, 2009. 158 p.
2. Gruzinsky A. Yolka (the story of a broken heart). Family. 1893. No. 7. P. 6 – 7.
3. Hieromonk Thaddeus (Uspensky). Notes on Didactics. Ufa, 1902. 152 p.
4. John of Kronstadt, St. My Life in Christ. Moscow, 1991. 79 p.
5. Kolpachev V.V., Zhurakhovskaya T.G. Development of Humanistic Foundations of Education in the Works of the Fathers of the Russian Orthodox Church. New in Psychological and Pedagogical Research. 2011. No. 2. P. 184 – 194.
6. Kuznetsov V.D. Activities of the Russian Orthodox Church in Religious Education of Students of Classical Gymnasiums and Military Educational Institutions on the Eve of the First Russian Revolution. Clío. 2011. No. 5. P. 65 – 71.
7. Lozinsky E. New Problems of Education. Vol. 1. Religion. Morality. Sexual Education. St. Petersburg, 1912. 291 p.
8. Manaseina M.M. Fundamentals of Education from the First Years of Life to Full Completion of University Education: in 5 volumes. St. Petersburg, 1894-1902. Vol. 1. 159 p.
9. Martianova I.Yu. Everyday life of children of Russian nobles according to the memoirs of contemporaries of the 18th – early 20th centuries: author's abstract. diss. ... cand. history. sciences. Krasnodar, 2010. 21 p.
10. Religious education in Russia and Europe in the 19th century. St. Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2014. 280 p.
11. Solodyankina O. Yu. Foreign governess in the system of family relations: pupils, other family members, relatives, neighbors, teachers, servants. Gender and society in Russia. St. Petersburg, 2007. P. 123 – 161.
12. Ushinsky K. D. Russian school. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2015. 688 p.
13. Froebel F. Education of a person: trans. I.D. Gorodetsky. M., 1904. Vol. 1. 114 p.
14. Chmeleva E. V. Pedagogy of preschool childhood in Russia in the late 19th – early 20th centuries: a historical and pedagogical essay. Smolensk, 2008. 220 p.

Информация об авторе

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, sverhtitan@rambler.ru

© Скопа В.А., 2025